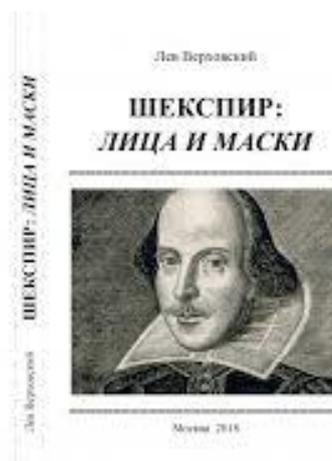

On the hidden meaning of the tragedy "Othello" by William Shakespeare

Lev Verkhovsky

We analyzed the play basing on the assumption that it was written by Roger Manners, 5th Earl of Rutland, and that he reflected in it his personal problems and the circle of people close to him. As it is known, Earl of Rutland -- one of the main candidates for the authorship of Shakespeare's creations. As a result, we found out what real persons were the prototypes of the main characters, what was the secret meaning of the play.

Other our articles on the Shakespearean theme are presented in the book `Shakespeare: Faces and Masks` (2018, in Russian) – «Шекспир: лица и маски» (М.: Спутник+, 2018, сейчас имеется в продаже) and in our personal site <http://lev-verkhovsky.ru/>

О скрытом смысле трагедии «Отелло»

Лев Верховский

Шекспировская трагедия «Отелло» считается у многих совершеннейшим из творений Шекспира. Её склонны были считать иногда совершеннейшим драматическим творением в мире.

А. Блок

Ровно век назад, в октябре 1919 г. Александр Блок прочёл актёрам Большого драматического театра лекцию «Тайный смысл трагедии "Отелло"», которая была тогда же опубликована. В ней он попытался раскрыть причины, по которым это художественное произведение так глубоко воздействует на зрителя и читателя.

Мы собираемся поразмышлять на тему тайного смысла «Отелло» под совсем иным углом зрения. Пьесы Шекспира (а также Бена Джонсона, других елизаветинцев) часто содержали в себе вторые, скрытые планы. В них драматурги изображали известных лиц или же своих знакомых, выясняли отношения, сводили счёты; увидеть и понять это могли только люди их круга. Ясно, что подобная сокрытая информация всегда тесно связана с личностью конкретного автора, поэтому её рассмотрение в случае «Отелло», на наш взгляд, важно для решения шекспировского вопроса.

Глава 1

Впервые «*The Tragedy of Othello, The Moor of Venice*» поставили в театре «Глобус» в ноябре 1604 г., а написана она, вероятно, незадолго до этого. В печатном виде появилась лишь в 1622 г. в виде кварто, а годом позже в Первом фолио был представлен несколько иной, расширенный её вариант; каковы взаимоотношения этих двух текстов – до сих пор не ясно. Создавая пьесу, Шекспир основывался на новелле «Венецианский мавр» итальянца Джиральди Чинтио (1504—1573) из его сборника «*Ecatommiti*» («Сто

сказаний», 1565), в котором содержались истории о разных коварных и жестоких преступлениях. Бард, вероятно, читал их во французском переводе, вышедшем в 1584 г.

В новелле Чинтио всё достаточно ясно: поручик страстно влюбился в жену мавра-военачальника Диздемону (так её звали -- с ударением на второй слог) и думает, что она любит лейтенанта; отсюда ненависть поручика к ним обоим. Шекспир усложнил коллизии между героями, сделал их эмоционально насыщенными, изменил многие детали. Кроме того, дал всем персонажам имена -- у Чинтио имелось только одно имя Диздемона, остальные же лица обозначены как мавр-военачальник, поручик, лейтенант, жена поручика и т.д. Все эти отличия служат зацепками, которые могут помочь выявить тайные задумки автора.

Среди других трагедий Шекспира «Отелло» выделяется камерностью, представляя собой бытовую, семейную драму. Можно допустить, что автор в какой-то степени отразил в ней взаимоотношения людей из близкого ему круга -- они-то и составили скрытый слой изложенной истории. Попробуем проникнуть в него, исходя из предположения, что пьесу написал Роджер Мэннерс пятый граф Рэтленд. В 1603 г. вступивший на престол новый монарх Иаков I отменил наложенные на графа санкции (за участие в мятеже Эссекса 1601 г.), и Роджер смог воссоединиться со своей женой Елизаветой Сидни. Возможно, тогда же его семейную жизнь начала отравлять ревность -- он почувствовал на себе, какая это страшная, разрушительная сила и для брака, и самой жизни.

В общих чертах, наша версия такова: Отелло – сам автор, граф Рэтленд; Дездемона – его супруга Елизавета; поручик Яго – капитан Альфонсо Ланьер; жена поручика Эмилия – жена Альфонсо, хорошо известная Эмилия Бассано, то есть имя Эмилия даже не изменено; Кассио как бы раздваивается -- в нём «закодированы» два хороших знакомых Рэтленда, а кто конкретно, расшифруем чуть позже. Всё это мы и попытаемся обосновать. (При анализе текста и цитировании будем опираться на подстрочный перевод и комментарии М.М. Морозова [1].)

Важную функцию в пьесе выполняют имена персонажей (о них статья Э. Бартон [4]), помогая правильно опознать их прототипов. Известно, что Бен Джонсон часто использовал «говорящие» имена. Для Барда это менее характерно, но и он, как правило, не давал их случайно.

В имени Отелло давно замечена переключка с именем Торелло из комедии Бена Джонсона «Всяк в своём нраве» (сыграна в 1598-м, напечатана в виде квартета в 1601-м). В

ней действие происходило во Флоренции, имена персонажей итальянские (потом, в Фолио Джонсона 1616 года был представлен другой вариант -- действие перенесено в Лондон, имена изменены на английские). Купец по имени *Thorello* (почти полная анаграмма *Othello*, внутри слова *hell*, ад) -- очень ревнивый муж, и, как мы аргументировали в статье «Кто есть кто в пьесе Бена Джонсона «Всяк в своём нраве» [11], в Торелло отражён Рэтленд (далее мы увидим, что между этой комедией и трагедией «Отелло» есть и другие связи).

У мавра довольно простой, цельный характер. Как заметил А.С. Пушкин, «Отелло от природы не ревнив – напротив: он доверчив». Это в высшей степени справедливо в отношении графа Рэтленда. Отелло сказал о себе, как о «не склонном к ревности, но доведённом до исступления» (*Of one not easily jealous, but, being wrought, Perplexed in the extreme*). Были ли у Рэтленда реальные поводы ревновать? – отдельный вопрос, которого мы коснёмся ниже. Считается, что брак Роджера и Елизаветы оставался платоническим, что могло способствовать появлению у мужа ревности; кстати, высказывались мнения, что брак Отелло и Дездемоны у Шекспира тоже выглядит платоническим [2].

Нужно отметить, что брачный союз Роджера и Елизаветы организовали её родственники – тётка графиня Мэри Пембрук со своим сыном (другом Рэтленда) и отчим граф Эссекс (кумир Рэтленда). Они нашли для поэтически одарённой, но стеснённой в средствах дочери Филипа Сидни талантливого и богатого жениха. Есть сведения, что она хотела разорвать помолвку. Возможно, тут лежат истоки их семейной несчастья.

Дездемона (имя греческого происхождения и означает «несчастливая») изображена чистой и наивной девушкой. Значит ли это, что Рэтленд видел источник зла не в поступках супруги, а в порочащих её слухах, которые распространяли его враги и недоброжелатели? Да, в «открытом» тексте изложено именно так, однако имеются замаскированные уколы в адрес Елизаветы.

Глава 2

Центральная фигура, мотор действия – поручик Яго, но побудительные силы его поступков остаются неясными, и это одна из нерешённых проблем шекспироведения. Как писал Лев Толстой, «...Яго у Шекспира – сплошной злодей, обманщик, вор, корыстолюбец... Мотив

его злодейства, по Шекспиру, есть, во-первых, обида... во-вторых... в-третьих... Мотивов много, но все они неясны. В новелле же мотив один, простой, ясный: страстная любовь к Диздемоне...» [3]. Сэмюэл Кольридж назвал Яго воплощением «немотивированного зла» (*motiveless malignity*), и тут вспоминаются слова другого шекспировского персонажа -- герцога Глостера из «Ричарда III» (I, 1):

...раз мне не суждено

Прожить свой век любезником изящным, --

Злодеем буду. Так я порешил.

Американский актёр Edwin Booth в роли Яго (1865)

(Источник: Voltaire Combe. ART Box C730 no.1 (size S) [1911])

Мы подозреваем в Яго Альфонсо Ланьера. Чем же могла быть вызвана его непримиримая ненависть к Роджеру Мэннерсу? Напомним, что основным источником сведений о супругах Ланьер служат дневниковые записи астролога и целителя Саймона Формана, к которому Эмилия многократно обращалась. Ещё они выведены, на наш взгляд, в комедиях Бена Джонсона «Эписин» (1609) и «Алхимик» (1610) -- в первой как супруги Оттер, во второй как Фейс и Долл [11].

В 1593 г. Альфонсо женили «для прикрытия» на ожидавшей ребёнка Эмилии Бассано, которая в то время была содержанкой лорда-камергера барона Хансдона.

Невеста, имевшая репутацию куртизанки ("*honest courtesan*" -- с образованием и манерами леди) получила большое приданое от Хансдона, то есть Альфонсо женился «на деньгах». Наверное, его унижительная зависимость от жены (это показано в «Эписин») -- женщины, которая была доступна многим, -- служила главной причиной его общей озлобленности, и он мог испытывать неприязнь к её любовникам.

Мы думаем, что в их число входил и граф Рэтленд, причём есть причина, по которой как раз он мог стать объектом особой вражды Альфонсо. Дело в том, что Роджер отразил свои плотские отношения с Эмилией в сонетах, которые ходили по рукам, а отдельные были даже напечатаны в поэтическом сборнике (многих авторов) «Страстный пилигрим» (*The Passionate Pilgrim*) в 1599 г. В стихах дама не называлась по имени, но была легко узнаваема в их кругу. Вполне вероятно, что это бесило её супруга. При этом брак самого стихотворца как будто оставался платоническим (о чём наверняка судачили), что делало Роджера хорошей мишенью для грубых насмешек. Допустимо, что Альфонсо из мести распространял слухи о неверности Елизаветы.

В «Отелло» поручик Яго (=Альфонсо) знал (или предполагал) об адюльтерах его жены с Отелло (=Рэтлендом), а также Микеле Кассио. Яго: «Многие полагают, что мавр исполнял мою службу в моей постели... Ничто не принесёт и не сможет принести успокоения моей душе, пока я не расквитаюсь с ним за жену, или если это не удастся, то не вызову по крайней мере такую сильную ревность в мавре, которую не сможет излечить рассудок». Мысль, что у Отелло была связь с Эмилией, гложет её мужа, по его признанию, «как ядовитое зелье» [1, с. 492]). Значит, Яго, прежде всего, страдалец.

Есть и вторая возможная причина его ненависти к Рэтленду. Уже привыкнув к аристократическому окружению и роскошной жизни, Эмилия Ланьер страстно желала стать настоящей леди и возлагала большие надежды на карьерные успехи мужа, что он добудет рыцарское звание. Когда Эмилия в 1597 г. впервые обратилась к астрологу Форману, она, в частности, спрашивала у него, случится ли это и когда. (Возможно, эти черты характера Эмилии Бассано-Ланьер позднее отражены Шекспиром в леди Макбет.) Под её влиянием Альфонсо участвовал в военных кампаниях -- ведь если он отличится, то его сделают рыцарем и она станет леди.

Сначала он в 1597 г. добровольцем присоединился к морской экспедиции графа Эссекса на Азорские острова (у Яго много флотских, морских метафор и сравнений -- больше чем у любого другого шекспировского персонажа [1, с. 140]). Затем с весны 1599 г. воюет в Ирландии под руководством того же графа -- там Альфонсо провёл более двух с

половиной лет, но титула сэра так и не добился. А вот Роджер Мэннерс участвовал в той ирландской кампании лишь несколько месяцев в 99-м (потом приказом королевы его отозвали оттуда) и всё же был возведён Эссексом в рыцарское звание. Так же в «Отелло»: на должность лейтенанта выдвинут не заслуженный воин Яго, а счетовод (*counter-caster*) Микеле Кассио.

Яго, Иаго (*Iago*) -- испанское имя (от библейского Иаков), и у испанцев есть святой Иаков-Мавроборец (Сантьяго Матаморос -- *Santiago Matamoros*). По легенде, во время битвы с превосходящими силами мавров в 844 г. свершилось чудо – явился один из двенадцати апостолов Христа Иаков Зеведеев, который помог испанцам победить. Апостол Иаков стал святым покровителем их борьбы против мусульман, его изображение стало очень распространенным.

В «Отелло» поручик боролся с мавром, поэтому его логично было назвать в честь Сантьяго именем Иаго. Одновременно делался намёк на Альфонсо (тоже испанское имя) и, возможно, на родство последнего с иудеями, т.к. Иаго ассоциируется с Яхве, Иегова (*Jahve, Jehovah*) -- Яго при первом своём появлении в пьесе пародирует слова Яхве *I am that I am*, когда говорит: *I am not what I am*. Альфонсо Ланьер действительно имел некоторую долю еврейской крови, поскольку семейство музыкантов Ланьер, прибыв в Англию из Франции (Руана), породнилось с музыкальной династией Бассано, которое имело еврейские корни. (Отец Эмилии Баптиста был родом из Венеции, как считают исследователи, маран, чьи предки перебрались в Италию с Пиренейского полуострова. Альфонсо Ланьер и Эмилия Бассано были родственниками: отец Альфонсо женился на племяннице Баптисты Бассано.)

А. Ланьер был профессиональным музыкантом, и есть одна фраза Яго, которая может указывать на его близость к этой сфере. Он сказал (в сторону): «О, вы хорошо настроены! Но я спущу колки, от которых зависит эта музыка...» (колки -- деталь в музыкальных инструментах, регулирующая натяжение струн). Вроде бы Альфонсо некоторое время занимался зверинцем, медвежьим садком (*bear garden*), и в речах Яго часто упоминаются разные животные; как отметил М. Морозов, тема зверинца (козлы, обезьяны, жабы, гадюки, дикие медведи, крокодилы...) – вообще доминирующая в мире образов Яго [1, с. 185]. Сказано, что возраст Яго 28 лет, годы жизни Альфонсо Ланьера (1672—1613), т.е. тут противоречия нет.

Отзывы Яго о женщинах, как правило, полны озлоблённого цинизма, и всё же он делает исключение для Дездемоны, упоминая её добродетель. Есть его слова о генерале:

"Мавр -- по природе человек свободной и открытой души" (любопытно, замечает Морозов, что, вспоминая о Шекспире, Бен Джонсон охарактеризовал его буквально этими же словами).

У жены Яго, как мы сказали, такое же имя, как у жены Альфонсо. Она показана вполне заурядной венецианкой, которая не прочь изменить мужу и даже дающая этому, в разговоре с Дездемоной (IV, 3), объяснение: женщинам, как и мужчинам свойственны увлечения, слабости; к тому же грех не так страшен, если он остаётся не известным другим. Среди причин, способных толкнуть женщину на измену, она называет материальные факторы – скажем, если муж проматывает наследство жены (Эмилия Ланьер жаловалась Форману, что Альфонсо промотал её состояние).

Она придерживается взгляда об относительности моральных норм -- человек может сам для себя их устанавливать, а не принимать те, что навязывает ему окружение. И всё же в заключительной сцене она проявляет себя с лучшей стороны – став свидетелем безвинной гибели Дездемоны, бесстрашно разоблачает интриги своего мужа. Возможно, тут как-то отразилось отношение Рэтленда к Эмили Ланьер в те годы.

Глава 3

Теперь обратимся к Кассио. Имя и фамилия лейтенанта -- Микаэль (Микеле) Кассио (*Michael Cassio*) -- впервые встречаются в самом начале пьесы, в словах Яго о нём: «Арифметик-грамотей, Микеле Кассио, флорентиец... начитавшийся теорий...» (*And what was he? Forsooth, a great arithmetician, One Michael Cassio, a Florentine... the bookish theoretic...*).

Как отметила Бартон [4, с. 64], «этот персонаж представляет собой интересное исключение в пьесе: он единственный имеет имя и фамилию, по крайней мере, до середины III акта. Слова Яго (III, 3): «Микеле Кассио, осмелюсь утверждать, мне честным кажется» -- 11-е по счёту и последнее упоминание *имени* лейтенанта (в сочетании с фамилией или без неё). Далее в тексте встречается *только* Кассио, причём фамилия таинственным образом замещает имя, как видно из слов Бьянки в V акте: «Кассио, родной! Мой Кассио». Так же обращаются к нему и другие.

На наш взгляд, всё это не случайно: в двух персонажах «Отелло» -- Микаэле Кассио и просто Кассио отражены два разных человека. Для их распознавания нужно учесть, что

в истории Древнего Рима известны несколько представителей рода Кассиев, а в пьесе, на наш взгляд, содержатся аллюзии на двух из них.

Первый -- Гай Кассий Лонгин (*Gaius Cassius Longinus*; 85--42 г. до н. э.) — древнеримский государственный деятель, вошедший в историю прежде всего как один из организаторов заговора (вместе с Брутом) и убийства Цезаря (в 44 г. до н. э.). Отмечая его заслуги в борьбе с диктатором и защите республики, Кассия называли «последним римлянином»; он фигурировал в шекспировском «Юлии Цезаре» (поставленном в 1599 г.). Граф Саутгемптон был активным участником мятежа, или заговора, Эссекса, поэтому мы думаем: дав персонажу имя Кассио, Рэтленд имел в виду именно его.

Второй – римский консул и историк греческого происхождения Луций Клавдий Кассий Дион Кокцеан, более известный как Дион Кассий (*Lucius Claudius Cassius Dio Cocceianus*; ок.160--230-е гг.) -- автор широко известной «Римской истории» в 80 книгах (значительная их часть сохранилась). Причём именно он подробно описал историю Сеяна -- крупнейшего деятеля эпохи императора Тиберия, опущенную другими историками (Светонием и Тацитом). Остаётся вспомнить, что Бен Джонсон после необычайного успеха на сцене «Юлия Цезаря» Шекспира решил сочинить собственную пьесу на тему древней истории, и ею стала трагедия «Падение Сеяна» (сыграна в 1603 г.).

Значит, и Дион Кассий, и Бен Джонсон поведали о Сеяне. Поэтому естественно в персонаже Кассио видеть намёк на Джонсона. А чтобы различать двух лиц, получивших имя Кассио, одному из них добавили имя Микаэль (кстати, крайне редкое для Шекспира имя -- есть только незначительный персонаж Майкл в «Генрихе IV»). Думаем, что тут отсылка к ещё одному автору, прекрасно знавшему латынь, древних авторов и много писавшему об истории гражданских войн в Древнем Риме, -- Мишелю Монтеню. То есть указывается на общность с ним Джонсона.

Итак, мы полагаем, Кассио без имени – Генри Ризли граф Саутгемптон, а Микаэль Кассио, «арифметик-грамотей» из Флоренции – Бен Джонсон. Почему арифметик-грамотей? Намёк на книжную, схоластическую учёность Бена: он вставлял в свои римские трагедии переводы больших кусков из древних авторов, увлекался второстепенными деталями, но не мог создать цельных и живых характеров [6, с. 199]. А почему флорентиец? – вероятно, намёк на его пьесу «Всяк в своём нраве», действие которой происходило во Флоренции, с которой «Отелло» имеет важные переклички.

О Микеле Кассио говорится, что это офицер, который пользуется всеобщим доверием, добрый вестник прибытия жены мавра на Кипр после шторма. Но отмечены и его слабости: легко пьянеет, после чего не владеет собой и готов лезть в драку (намёк на то, что Бен Джонсон часто участвовал в стычках, в 1598 г. в ходе одной из них убил актёра Габриэля Спенсера). Вначале Яго говорит про Микеле, что он *damned into a good wife* (обычно переводят «до чёртиков влюблён в одну смазливую бабёнку»); но тут плохо понятное выражение, которое, по Морозову, можно перевести как «обабился», и Б. Пастернак в своём переводе назвал Кассио «бабьим хвостом» [1, с. 467].

Кто подразумевался под *a good wife*? -- не известно. Можно предположить, что Дездемона. Микеле Кассио сказал, что она «превосходит описания и шумную славу, будучи выше стилистических ухищрений хвалебных стихов». Всё это как будто соответствует отношению Бена Джонсона к Елизавете Рэтленд: он ценил её поэтический талант, сам посвящал ей стихи, возможно, даже был влюблён в неё. Микеле пытался использовать тёплые отношения с Дездемоной, чтобы она содействовала его примирению с Отелло. Так же и Джонсон, вероятно, через Елизавету улаживал свои конфликты с её мужем; он часто общался с ней, что вызывало даже недовольство Рэтленда -- вспомним историю про его замечание жене, что она принимает за столом поэтов (*kept table to poets*).

В целом Шекспир показывает своё расположение к Бену Джонсону. Возможно, в ходе «войны театров» в предыдущие годы, когда и со сцены и в реальной жизни шли острые перепалки, их отношения испортились, и Рэтленд делает шаг к примирению.

А что можно сказать о другом Кассио (без имени)? Он возникает в конце III акта, и там же появляется Бьянка -- в Фолио она представлена куртизанкой, а в более поздних изданиях -- любовницей Кассио (*mistress to Cassio*). Эмилия назвала её проституткой (*strumpet*), затем Яго про неё сказал: «Женщина, которая продавая свою похоть, покупает для себя еду и одежду» (*A housewife that by selling her desires Buys herself bread and clothes*). Когда Яго спросил Кассио, женится ли он Бьянке, тот ответил: *I marry her! what? a customer!* То есть назвал себя её клиентом.

Опять вспоминаем джонсоновскую «Всяк в своём нраве» -- там жену ревнивца Торелло (Рэтленда) звали Бьянкой (Елизавета). Нам представляется, что в любовных отношениях Кассио и Бьянки намёк на измену Елизаветы с Саутгемптоном; мнения, что между ними ещё до свадьбы Роджера что-то было (и этот факт отражён в некоторых сонетах Шекспира), придерживается М.Д. Литвинова [9, с. 185]. И тогда в «Отелло» Рэтленд, изображая «проститутку Бьянку», рассчитался со своей половиной за ту измену.

После этого Саутгемптон и Рэтленд приняли участие в мятеже, а в ходе последующего судебного разбирательства Рэтленд будто бы дал показания против своего бывшего друга; впоследствии их отношения никогда не восстановились. А в конце пьесы есть такие фразы:

Кассио. Дорогой генерал, я никогда не давал вам повода.

Отелло. Верю и прошу вашего прощения...

Возможно, тут была попытка помириться.

* * *

Шекспировед А. Брэдли писал [10]: «Из всех трагедий Шекспира, не исключая и «Короля Лира», «Отелло» производит наиболее тяжёлое впечатление. Это самая ужасная трагедия». Очень уж мучительно, наверное, было на душе у Рэтленда.

Как мы пытались показать, ключами, открывающими путь к пониманию скрытого смысла «Отелло», служат переключки между пьесами Шекспира и Бена Джонсона. Два драматурга внимательно следили за творчеством друг друга, причём взаимно понимали аллюзии и подтексты. Да и все в их среде умели читать между строк и за строками.

ЛИТЕРАТУРА

1. М.М. Морозов. Избранные статьи и переводы. М.: Худ. Лит., 1954.
2. Л.С. Выготский. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 291.
3. Л.Н. Толстой. О Шекспире и о драме. Критический очерк. Собр. соч. в 22 тт., Т. 15.
4. Э. Бартон. Светлые дьяволы «Отелло». Шекспировские чтения – 1993. М.: Наука, 1993, с. 41.
5. П. Холанд. Средства характеристики персонажей в «Отелло». Шекспировские чтения – 1993. М.: Наука, 1993.
6. В. Комарова. Отклики на трагедию Шекспира «Юлий Цезарь» в трагедии Бена Джонсона «Падение Сеяна». Шекспировские чтения – 1977. М.: Наука, 1980.
7. Ю. Шведов. Трагедия Шекспира «Отелло». М.: Высшая школа, 1969.
8. Уильям Шекспир. Великие трагедии в русских переводах. «Отелло». Переводы Петра Вейнберга, Бориса Пастернака, Михаила Лозинского. Комментарии. М.: ПРОЗАиК, 2014.
9. Джон Довер Уилсон. Истинный Шекспир. М.: Артист.Режиссёр.Театр, 2003, с. 185.

10. A.C. Bradly. *Shakespearean Tragedy*, N.Y., 1965, p. 148.

11. Лев Верховский. *Шекспир: лица и маски*. М.: Спутник+, 2018.

